

ПО
СЛЕДАМ
ГРОМКИХ
ДЕЛ

Глава 1

СКРЫТЫЙ МРАК

Март

Ночь выдалась ясной и тихой. Такие случаются, когда в марте после оттепели возвращаются ночные холода. Днем светит солнце, растапливая придорожные сугробы, пятная грязный снег лиловыми тенями, заставляя лед сочиться влагой, источая ее как сок из ледяных пор. Заливая дорогу и асфальт талой водой.

Но с темнотой зимний холод возвращается, превращая придорожные сугробы в твердый камень, асфальт — в ледяной каток, а небо — в бездонный черный купол, раскинувшийся над рекой и городом.

Водитель рейсового автобуса Андрей Ржевский любил такие ночи и никогда не возражал против работы в ночную смену. Вот и сейчас он пересек пустой двор автобусного парка, взглянул в темное небо, вставил в уши наушники старенького плеера. И поднялся по ступенькам в салон, включил свет, отодвинул дверь кабины, сел за руль и...

Клавесин.

Музыка барокко звучала в ушах громко и требовательно. Рваный ритм пьесы не вязался с пустотой и молчанием ясной мартовской ночи. Музыка для водителя автобуса не являлась лекарством от бессонницы, нет.

Она лишь добавляла гармонии...

Или дисгармонии — всему.

Окружающему сонному миру.

Темному звездному небу.

Маленькому городку, замершему от мартовской стужи, притулившемуся на берегу большой реки и водохранилища.

Городок, который водитель автобуса не любил, но ценил за интеллигентность и хорошие манеры, привитые поколениями его обитателей, мерцал огнями уличных фонарей.

Водитель автобуса не обольщался на его счет — городок был не так прост и лжив. Он казался наполненным неистовой силой, властвовавшей в нем с некоторых пор. Он был полон тайны и скрытого мрака. И этот мрак сопротивлялся любому свету — солнечному, звездному, лунному, электрическому.

Скрытый мрак угнездился здесь и пустил корни в почву, в крыши, в стены домов.

Если бы тьму этого места можно было вычерпывать горстями, словно стылую воду реки, она бы затопила мир, и он окончательно превратился в юдоль печали и слез. И боли. И страха.

Да, страха, что жил здесь и вибрировал, словно туго натянутая струна.

Водитель Ржевский закрыл двери автобуса и тронулся с места. Его обычный рабочий маршрут — первый рейс: петля по всему городку, шоссе, поселок и дальше — Дубна, городские кварталы, железнодорожный вокзал, станция Большая Волга.

Автобус подбирал первых пассажиров, торопившихся на электрички до Москвы и на первый утренний экспресс до Савеловского вокзала.

Но было еще слишком рано.

И слишком темно.

На четырех остановках в автобус никто не сел.
Водитель продолжал свой путь — одинокий во мраке
ночи.

Звезды над Большой Волгой.

Клавесин...

Эта пьеса с рваным ритмом, что так не подходит
к вечному покою и тишине ночной.

Но зато почти синхронна, аутентична скрытому мраку..

Свет фар рассекает тьму, как лезвие ножа — черное
желе.

Бог знает из чего оно приготовлено, это ночное чер-
ное желе...

И звезды...

Кто тот небесный плотник, который приколотил их
там, в вышине, к бескрайней бездне своим чудо-мо-
лотком?

Хоть бы одна звезда сорвалась и покатилась...

Можно загадать желание.

Ну, давай же, падай! Вали!

Водитель автобуса Андрей Ржевский медленно ехал
по спящему городу, качая головой в такт звукам клавесина,
слышимым лишь ему.

Падающую звезду он увидел над заснеженным полем
уже на окраине.

И загадал желание.

Музыкальная пьеса в ушах, проигрываемая плеером,
была все та же, но исполнялась уже не на клавесине, а на
рояле. В музыке важны контрасты, а в жизни...

Звезда закатилась куда-то за леса, за поля, за реку. Все
это длилось, как показалось водителю автобуса, излиш-
не долго.

Он подъехал к остановке — обычная остановка на
шоссе под одиноким фонарем и...

Сквозь открытые двери автобуса он увидел ЭТО.

Это было там, он видел собственными глазами.

Выдернул из ушей наушники плеера, медленно остановился, вышел из кабины, из салона, приблизился, не чуя под собой ног.

ОНА...

Это существо...

Это создание на обледенелой скамейке остановки.

Оно смотрело прямо на него. Пялилось своими ужасными глазами, в которых не было ничего человеческого.

Лишь свет фонаря отражался в них, словно в кусках льда.

Но это был не лед. Это были глаза.

И крылья...

Они тихо шуршали на мартовском ветру.

Водитель автобуса Андрей Ржевский услышал, как позади автобуса затормозил — резко, судорожно — автомобиль.

Хлопнула дверь. Ледяной наст затрещал под тяжелыми торопливыми мужскими шагами. Потом раздался хриплый испуганный возглас.

И женщина, ехавшая в той же машине, — позже оказалось, что это супружеская пара, возвращавшаяся из Москвы в городок под утро после театра и гостей, — закричала от ужаса. Нет, завизжала — потому что крик сразу сорвался на визг.

Когда приехала полиция...

А она приехала быстро — водитель автобуса Андрей Ржевский сам ее вызвал по мобильному — их сразу же попросили держаться подальше от остановки и одновременно не покидать места происшествия.

Водитель Ржевский вернулся к автобусу. Он видел все, что происходило дальше.

Как остановку опутали желтой полицейской лентой.

Как подъезжали все новые и новые полицейские машины.

Как один из полицейских подошел вплотную к этому существу и...

— Нельзя ничего трогать до приезда экспертов! — крикнул кто-то из его сослуживцев. — Надо убедиться. Надо сразу понять — это она или нет. Та, что пропала, или это кто-то, о ком мы еще ничего не знаем.

Жуткое создание на скамейке остановки на секунду заслонила фигура полицейского.

Водитель Ржевский не мог оторвать глаз от происходящего, как от падавшей за горизонт звезды.

Что-то черное взметнулось в воздух. Глаза, в которых отражался свет, погасли.

Водитель Ржевский увидел голову.

Она свалилась набок, словно у тряпичной куклы, словно там, внутри, не было ни костей, ни мускулов.

Синюшный, багровый цвет кожи, вывалившийся язык.

— Это она... но...

— Та, что пропала...

Водитель автобуса Ржевский ощутил, как мышцы его лица словно одеревенели. Он не мог совладать с собой, он не мог справиться — это было выше его сил.

Кто-то остановился рядом с ним. Он почувствовал на себе чей-то взгляд.

Полицейский.

Из тех, кого он сам вызвал.

Сюда, в это место, где скрытый мрак вновь явил себя городу и миру.

— Чему вы улыбаетесь?

— Я... нет... это судорога...

— Чему ты улыбаешься?!

— Нет, нет же... это нервное. Я просто очень испугался.

— Это вы ее нашли? — Полицейский, кажется, тоже плохо владел собой.

Его взгляд был прикован к лицу водителя автобуса. Ползал по нему, словно муха. Надоедливая муха — внимательная, дотошная, настырная...

— Я ее увидел... там...

— Как в прошлый раз? — спросил полицейский. — Я вас знаю.

— И я вас, — ответил водитель Ржевский, собравшийся с силами. — Вы и в тот раз были... приезжали... Это маленький город. Тесный.

— *Тесный?* — полицейский хотел еще что-то сказать. Водителю Ржевскому даже показалось, что он сейчас расстегнет кобуру и достанет оружие.

Но в этот миг приехали эксперты. И большое начальство. И все смешалось и закружилось в новом вихре.

Супружеская пара стояла рядом со своей машиной. Их тоже не отпускали с места происшествия. Муж крепко обнимал жену за талию. Она рыдала на его плече.

— Это ужасно... что это такое? Эта мерзость, которая там на ней... Это снова произошло, да? Это опять... опять...

Водитель автобуса подошел к ним, встал рядом — они ведь тоже свидетели. Их всех троих полицейские будут допрашивать все утро, а может, и весь день.

Он видел остановку. Это создание...

И крылья...

Они все шуршали на ветру как нечто искусственное и одновременно пугающе живое.

Скрытый мрак являл себя сетью черных линий, скрещенных, переплетенных на прозрачной, отражающей свет слюде.

Скрытый мрак подбирался все ближе.

Октябрь

Что-то было не так. Напряжение ощущалось в самом воздухе, в самой атмосфере. Катя — Екатерина Петровская, криминальный обозреватель Пресс-центра ГУВД Московской области — почувствовала это, едва переступила порог отдела полиции.

Даже раньше, когда подъехала на такси к двухэтажному кирпичному зданию — старому, но тщательно отремонтированному, расположенному на тенистой, засаженной липами и платанами улице, полыхавшей осенним багрянцем и более похожей не на главную улицу маленького городка, а на парковую аллею.

Что-то было не так во всем, это сразу бросилось ей в глаза. Станный контраст между почти сонной улицей и напряженной суетой, что клубилась вокруг маленького полицейского отдела, — суетой, тщательно скрываемой от посторонних, окутанной гробовым молчанием недомолвок, уклончивых ответов и напускного благодушия.

Эти впечатления лишь усилились, когда Катя переступила порог ОВД и подошла к стойке за стеклом, где за пультом и перед экраном компьютера сидел дежурный.

Катя показала удостоверение, спросила, где кабинет начальника ОВД подполковника Аллы Мухиной.

— На втором этаже. Ее нет на месте. — Дежурный, внимательно осматривал Катю с ног до головы.

— Нет? Но мой шеф ей вчера звонил. Договаривался об интервью. На одиннадцать утра. Я здесь.

— Она уехала сразу после оперативки. Возможно, скоро будет. А возможно, задержится. А вы из Главка? По какому вопросу?

«А какое тебе, собственно, дело, капитан?» Дежурный начал уже раздражать Катю. Но она взглянула в его встревоженное лицо и ей как-то расхотелось вступить с ним в спор.

В эту минуту двери ОВД распахнулись, появился мужчина — крупный, потный, лет сорока пяти, одетый в шерстяной свитер и жилет-пуховик нараспашку.

— Есть новости? — спросил он.

— Пока нет. Я же сказал — мы вас известим. Она могла просто уехать, поймите. Мы и так уже... Прошло всего два дня.

— Я обзвонил всех ее подруг в Дубне. У них ее нет. Никому она не звонила, ни с кем не общалась. У матери в Твери ее тоже нет — я в Тверь звонил.

— Она могла уехать от вас не к подругам и не к матери.

— Что вы хотите этим сказать? — мужчина в жилетке «дутике» вплотную приблизился к стеклу.

— Ничего. Вы успокойтесь, пожалуйста. Воды хотите?

— Не нужна мне ваша вода.

— Ну, присядьте. Подождите. Может, пойдут звонки. Мы и так уже... учитывая все прежние обстоятельства... Мы ищем.

Мужчина секунду смотрел в монитор компьютера на стойке дежурного за стеклом, затем как-то отчаянно всплеснул руками и выскочил вон из отдела.

— Что случилось? Кого вы ищете? — спросила Катя. — Кто-то пропал?

— У него жена сбежала, — ответил дежурный. — Семейные дразги. А вы что, правда пресса из Главка?

Катя кивнула. Глянула в окно.

Во двор ОВД на всех парах въехала патрульная машина. Толстяк в жилетке кинулся к ней. О чем-то долго говорил с патрульными, нервно жестикулируя. Они явно пытались его успокоить. Потом один патрульный вышел, закурил, предложил мужчине сигарету, но тот лишь снова замахал руками. Тогда патрульный открыл дверь машины — толстяк плюхнулся на заднее сиденье, и они уехали.

Катя вышла во двор. Липы обступали его со всех сторон. Катя полной грудью вдохнула воздух. Река... Пахнет рекой, сырой землей, мокрой древесиной, грибами. Не городской какой-то запах — дачный.

По улице проехал велосипедист. За ним еще один. И еще один. В городке обожали велосипеды, так же как и в соседней Дубне.

Катя произнесла про себя название города.

ЭРЕБ.

Когда она услышала его вчера от шефа — начальника пресс-службы, сначала подумала, что тот шутит или разыгрывает ее.

ЭРЕБ.

Это лишь в мифах...

Сын Хаоса и Тьмы. Отец Смерти.

ЭРЕБ — вечный мрак, который...

Катя оглянулась.

Еще один велосипедист. Молодая женщина с коляской. Проехал грузовичок с надписью на кузове «Пластиковые окна».

— Экспериментально-рекреационная база. Сокращенно ЭРЕБ, — сказал вчера шеф, когда вызвал ее к себе. — Когда-то носил имя Зеленый, но оно не прижилось. Еще восемь лет назад он являлся закрытым муниципальным образованием — закрытым городом рядом с Дубной. Имел тот же статус, что и Звездный городок.

Сейчас это открытое муниципальное образование. Странно, что все эти годы нога сотрудников нашего Пресс-центра туда не ступала. Хоть это теперь и открытый город — но там цепко держатся за свои традиции. А интересного там много — так же много, как в Королеве и Звездном. Ну, может, не так, как в Звездном, однако... Эта самая Экспериментально-рекреационная база напрямую связана с исследованиями космической медицины. Вся жизнь городка со дня основания вертелась вокруг базы — НИИ и научно-производственного комплекса «Прометей». Это городок ученых. Даже в большей степени, чем Дубна. В Дубне есть и промышленные предприятия. А здесь — только чистая наука. Эксперименты.

— Лучше бы назвали город «Прометеем», чем ЭРЕБом, — заметила Катя. — А к чему, собственно, вся эта информация?

Начальник Пресс-центра выдержал паузу. А затем нейтральным тоном начал рассуждать — что вот, мол, в последнее время о сотрудниках полиции мало хорошего пишут, один негатив. Надо как-то своими силами выправлять ситуацию. Писать о сотрудниках, о династиях профессиональных в правоохранительных органах. И вот как раз есть такой человек — начальник ОВД в этом самом открытом муниципальном образовании, поселке городского типа ЭРЕБ, — подполковник полиции Мухина Алла Викторовна. Более тридцати лет выслуги в одном отделе! А до этого начальником ОВД в городе был ее отец. И семья у нее — все полицейские: и дочка, и зять.

Снова выдержав маленькую паузу — с чего бы? — он самым нейтральным тоном предложил Кате съездить в ЭРЕБ на два дня — взять интервью у подполковника Аллы Мухиной, написать очерк о ее семье, династии по-

лицейских. Об особенностях службы полиции в городке «чистой науки».

В ЭРЕБе...

Сыне Хаоса и Тьмы...

Отце Смерти...

Катя подумала об этом в экспрессе Москва—Дубна, что мчал ее с Савеловского вокзала в маленький город на берегу Большой Волги.

Но все эти вроде бы неуместные причудливые ассоциации мигом рассеялись, едва она сошла на станции Большая Волга, поймала такси, назвала адрес и затем увидела и реку, и водохранилище, и Дубну — приятную и тихую, и шоссе, и прекрасные новые микрорайоны, и отличные гостиничные комплексы, и осенний лес, поражающий своей первобытной красотой.

По навигатору от Дубны до города было всего пятнадцать минут, но таксист вез ее какой-то «петлей». «Иначе нельзя, здесь ландшафтно-террасный заповедник, — пояснил он. — Город как бы скрыт в нем или укрыт. Шар будете смотреть?»

Катя спросила: какой еще шар?

«Научный, огромный, в лесу, — заулыбался водитель. — Туристы любят внутрь соваться — там акустика волшебная. Хотите, заедем в поселок — тут близко. Ученые сделали».

Катя сказала, что ей не до шара, не до здешних достопримечательностей, что она по делам в ЭРЕБ...

Назвала имя городка и словно поперхнулась.

Сын Хаоса и Тьмы...

Отец Смерти...

Он оказался таким милым, этот ЭРЕБ — Экспериментально-рекреационная база! Таким уютным.

Первое, что Катя увидела, когда они въехали в пределы города, как раз и была эта база — группа зданий

посреди чистого поля, большого и пустого, окаймленного лесом ландшафтного заповедника. Бетонная дорожка, стеклянная будка КПП, а за ней — здания ярких цветов: синего, оранжевого, зеленого. Постройки семидесятых, но обшитые модными сейчас разноцветными панелями, и два здания новых — целиком из стекла, словно перенесенные сюда из недр Силиконовой долины.

Узкая дорога обогнула их, и сразу начался сам городок. Никаких хрущевок — двухэтажные коттеджи на две-четыре семьи — старые, из темно-красного кирпича. Кирпичные девятиэтажки, новый торговый центр на площади и снова двухэтажные коттеджи, некоторые с палисадниками, другие за невысокими заборами — старые и новые. Много спутниковых антенн на крышах. Велосипедисты, велосипедисты, стойки для велосипедов, как в Москве.

И липы, липы, платаны. Рябина в багрянце.

Машины. Невысокие административные здания. Что-то пузатое с колоннами — то ли клуб, то ли маленький концертный зал.

И опять липы, липы. Желтая листва. Тихий октябрь.

Разводы зеленого мха на темных стволах.

Запах реки, что не видна с главной улицы.

ЭРЕБ.

Катя готова была признать, что не видела более милого и живописного города в Подмосковье.

Но что-то было не так.

Во всей этой внешней безмятежности что-то было уж слишком нарочитым, отдававшим фальшью.

И затем, вступив в пределы ОВД, Катя лишь укрепилась в этом ощущении.

Не увидишь, но почувствуешь.

Что-то здесь не так.

Она стояла во дворе отдела. Ждала подполковника Аллу Мухину, с утра уехавшую неизвестно куда, хотя вчера вечером сам шеф пресс-службы с ней договорился об интервью и сообщил о приезде Кати.

В том, что начальники местных ОВД порой игнорировали сотрудников главковского пресс-центра, не было чего-то уж слишком необычного, из ряда вон — сплошь и рядом.

На этот счет Катя никогда не обольщалась и не комплексовала. Что ж, подождем.

Но эта атмосфера в отделе...

Это напряжение, что так пытались скрыть от чужих, от приезжих из Главка.

От прессы...

Катя насторожилась.

И решила ждать Мухину хоть час, хоть два.

Но надо куда-то пойти — купить кофе горячего. На площади — в торговом центре есть кафе и пиццерия — она видела вывеску, когда проезжала на такси. До площади — три шага от отдела. И там есть туалет.

Катя вышла на улицу, похожую на парковую аллею. Велосипедист, проехавший мимо, улыбнулся ей. Молодой. Похожий на ангела — кудрявый блондин в серой толстовке с капюшоном.

— Вы из Москвы? В городскую администрацию? К нам?

Катя обернулась.

На нее внимательно, с любопытством смотрели две женщины.

И тут только до нее дошло, что городская администрация — маленькое двухэтажное здание в виде коттеджа из красного кирпича, которыми был застроен ЭРЕБ, — напротив ОВД. Улица такая узкая, что из окон администрации отлично видно все, что творится во дво-

ре ОВД, как приезжают и уезжают патрульные машины. Вся эта странная суета.

Женщины вышли из администрации — одинакового роста, давно перешагнувшие свой сорокалетний порог. Но на этом сходство кончалось. Они были абсолютно разными.

Крашенная блондинка — крепко сбитая, широкоплечая, с крупными руками, одетая в деловой серый костюм и белую блузку. На руке — светлый плащ, в другой руке — деловая папка. Единственное яркое пятно — шелковый шарф из дорогого магазина. Цвет помады нейтральный, светло-розовый, но губы накрашены густо. А глаза, серо-голубые, внимательно разглядывали Катю, одиноко застывшую на краю двора ОВД.

Вторая — ровесница блондинки, полная, но проворная в движениях, темноволосая, с короткой стрижкой, с родинкой на верхней губе, одетая в черный шерстяной свитер и черные брюки. На полной груди в такт шагам подпрыгивают бусы из деревянных шариков. На запястьях — браслеты из полированного дерева. На плече болтается старая сумка-мешок из искусственной кожи.

— Вам надо заглянуть к нам в музей, Анна Сергеевна, самой оценить экспозицию. Посмотрите заодно материалы и к нашей следующей выставке, — темноволосая женщина в брюках говорила все это заискивающим тоном, торопясь за блондинкой Анной Сергеевной, широко шагавшей к припаркованной у тротуара серебристой иномарке.

— Выберу время — зайду, — ответила блондинка, оглянувшись через плечо и громко спросила Катю: — Вы кого-то ждете? Главу администрации? Вы из Москвы?

«Словно из окна следили. Видели, как я на такси приехала? А что, московские так сразу бросаются в глаза

даже здесь, в ученом академическом оазисе? Что-то не похоже», — подумала Катя.

— Я жду Аллу Викторовну Мухину, начальника ОВД.

— А по какому вопросу? — спросила блондинка резко.

Катя недоуменно подняла брови — то есть что за вопрос такой?

— Я замглавы городской администрации. Ласкина, — сказала блондинка Анна Сергеевна. — А вы?

Катя официально представилась.

— Пресс-центр? Полиция? Пресса? По какому поводу к нам в город? Вы из-за этого... да?

— Мы договорились с Мухиной об интервью.

Катя вдруг поняла: поспешный ответ лишил ее возможности узнать, что имела в виду Ласкина.

Из-за этого... Из-за чего?

Она заметила, как спутница Ласкиной, брюнетка в брюках, на них смотрит. Оживленное, заискивающее приветливое выражение лица сменилось напряженно выжидательным. И что-то еще отразилось в чертах этой женщины — тревога, беспокойство?

Катя не уловила этих мимолетных перемен. Она ведь даже не знала их — этих двоих.

— Наверное, она... Мухина скоро будет, — сказала Ласкина.

И пошла к машине, пикнула сигнализацией, села за руль. Ее спутница поплелась по аллее пешком к городской площади.

Катя снова осталась одна.

Она ждала подполковника Мухину полтора часа. Хотела сходить за кофе, как планировала, а потом передумала — уйдешь, а начальница местной полиции вернется и снова куда-нибудь умчится.

Алла Мухина приехала на полицейской машине с мигалкой вместе с двумя сотрудниками ОВД. Вид у всех

троих усталый. Мухина была в форме — лишь поэтому Катя ее и узнала: женщина-подполковник с замашками шефа полиции.

Алле Мухиной твердо можно было дать ее пятьдесят три. Волосы она тоже красила в блондинистый цвет, как и замглавы местной администрации, но за лицом и собой следила из рук вон плохо. У губ залегли две резкие складки-морщины. Такая же резкая складка на лбу над переносицей. Никакой косметики, даже тонального крема. Подполковник источала запах ванильного мыла и форменного сукна. Она казалась худой, как щепка, и невысокой. Форменные брюки пузырились у нее на коленях, шнурованные ботинки были замазаны глиной.

Катя и ей представилась по полной форме.

— Интервью? А, вчера... да, звонили из Главка. Пойдемте ко мне, — сказала Мухина, окинув Катю взглядом.

Они вошли в отдел. Сотрудники, что приехали с Мухиной, тихо разговаривали с дежурным.

У Мухиной зазвенел мобильный.

— Да? Только что вернулись... Весь сектор, до реки. Да и лес прочесываем. Но это если и есть, то не в лесу. Да, проформа, но мы обязаны... Да, будем продолжать. Я сидеть сложа руки не намерена, — Мухина бросала это кому-то в мобильник тихо и настойчиво. — Если сама найдется... мы торт купим и водки выпьем, отпразднуем... Нет, это не напрасные усилия. Мы должны искать, пусть и времени прошло еще недостаточно для...

Мухина перехватила Катин взгляд и нажала на кнопку — отбой.

— Кабинет мой последний справа, — сказала она Кате, кивая на пустой коридор. — Идите. Я только руки вымою.

Она двинулась к туалету.

Катя пошла по коридору.

Слева в двери вдруг щелкнул ключ — кто-то изнутри открыл дверь, которая распахнулась. Катя увидела серого человечка — замороженного очкарика в спортивной куртке. Он придерживал под мышкой ноутбук.

А за ним — лишь на миг Катя увидела внутри кабинета стену, на ней — большую информативную доску, сплошь покрытую крупными увеличенными фотографиями и пришпиленными листами бумаги, картой местности и...

Очкарик с ноутбуком с грохотом захлопнул дверь. И закрыл ее на ключ.

Там что-то было, на этих увеличенных снимках.

Катя не успела разглядеть.

Эта доска — наглядная демонстрация.

Во всех триллерах всегда фигурирует подобная доска, где жертвы...

Катя оглянулась. Мухина вышла из туалета и теперь шепталась с очкариком. Тот щелкал по крышке ноутбука пальцем.

Что здесь происходит?

Что может случиться в ЭРЕБе?

— Ваш шеф звонил мне, — сказала Мухина, открывая ключом свой кабинет — стандартный, как и во всех ОВД, но маленький. — Интервью типа обо мне?

— О вас. О династии сотрудников правоохранительных органов — я знаю, что вы из полицейской семьи. Что ваш отец много лет возглавлял этот отдел. — Катя села на предложенный стул напротив Мухиной, расположившейся за своим столом с пустой столешницей. — Что и дочка ваша тоже пошла по семейным стопам. И зять работает в полиции. Мне бы хотелось написать о вас, вашей работе, о вашей семье. Как вам удастся совмещать службу, работу и дом. Это ведь такой необычный город — даже интереснее, чем Дубна. Город науки

и космоса. Такой же необычный, как Звездный городок, но открытый теперь и...

— Звездный городок все последние годы сотрясали дикие скандалы — коррупция, взятки, — сказала Мухина. — У нас этого нет. Наука — да... Ученые... Мне еще папа говорил: надо понимать, с кем имеешь дело. Они не такие, как мы. Для ученого полет мухи восьмеркой под потолком — символ законов физики и аэродинамики, плод размышлений о возможностях двигателей будущего. А мы за мухобойкой тянемся, чтобы это чудо прихлопнуть. А вы лишь поэтому приехали к нам?

— Да. — Катя кивнула.

Опять все тот же вопрос. Что они все имеют в виду — дежурный, Ласкина из администрации и эта начальница полиции?

— Я вынуждена вас разочаровать, солнце мое, — сказала Мухина. — Папа мой умер от рака, и я не желаю о нем говорить с посторонними. Тем более чтобы имя его было в прессе. Начнешь говорить о прошлом, о его работе — надо сказать и о смерти. А я не хочу. Не могу смириться, что он умер. Дом я никак со службой не совмещаю, потому что и дома-то никакого у меня нет в обычном житейском женском смысле. Мужика своего я давно выгнала. Он мне изменял — такой кобель! Зять с дочкой не расписаны были — жили в гражданском браке. Читайте, она дуриком залетела, простушка влюбленная. Только что после школы полиции — и сразу памперсы-погремушки. Парень ее сразу же бросил — он в уголовном розыске тут обретался, такой охальник! Сбежал в Дубну, перевелся в отдел по борьбе с экономическими преступлениями. Моя-то дурочка на алименты подала — оказалось, у него еще двое незаконных, один в Твери, второй в Кимрах. Но внук хороший получился, горластый. Вырастет, наверное, таким же красивым, как

папаша, и таким же хмырем-бабником. Дочери сейчас здесь, в городе, нет. Я ее с внуком отправила в Москву к сестре, пока она в отпуске по уходу за ребенком.

Катя поняла, что ее отшивают. Вот так сразу. Почти не скрывая нежелания общаться.

Тогда зачем же Мухина в разговоре с шефом Пресс-центра дала согласие на интервью?

— Могли бы сразу нас отбрить по телефону, Алла Викторовна, — сказала Катя, поднимаясь со стула. — Не ехала бы я в такую даль на дубненском экспрессе.

— Прокатились зато. Шар в лесу видели? — спросила Мухина.

— Сейчас на обратном пути посмотрю. Таксист предлагал — но я к вам торопилась.

— Ученые хохмят. Там акустика чудная. Такие странности порой люди изобретают! *Такую жуть...* Да, насчет странностей... ваш начальник Пресс-центра, он...

— Что? — спросила Катя.

— Да нет, ничего, — Мухина опустила глаза. — Мне правда жаль, что так вышло. Но сейчас, куда ни глянь, все сплошная пышная говорильня. Пафосный пердеж. А я для этого не гожусь, солнце мое.

— Все равно рада была с вами познакомиться, подполковник. И увидеть ваш город. ЭРЕБ.

У Мухиной резко зазвонил телефон внутренней связи.

— Да, слушаю... Что, нашли?

Катя увидела, как изменилось лицо начальницы полиции.

— Нет... О черт, нам только этого сейчас не хватало! Только что обнаружили? А сам он где? Как некстати все это. Ну да, конечно, куда денешься... Да, я сейчас выезжаю. Опергруппу туда давайте и экспертов.

Катя повернулась, чтобы покинуть кабинет.

— Подождите, Екатерина... Я подумала — ну, что вы не зря все же к нам... в такую даль. Возможно, это вас заинтересует. Если желаете, можете поехать со мной прямо сейчас.

— Куда?

— На происшествие, — Мухина смотрела на Катю, как и все они здесь в этом ЭРЕБе, словно оценивая. — Такие вещи нечасто попадают в средства массовой информации.

Глава 3 КЛАДБИЩЕ

Брюнетка в черных брюках и свитере с сумкой-мешком, встреченная Катей у здания городской администрации, миновала площадь и свернула на улицу Роз — так в городке именовали Пятую Парковую.

Здесь со дня основания города перед маленьким зданием краеведческого Музея науки и общества был разбит прекрасный розарий — обширная клумба, для которой маститые ученые, профессора и академики в прошлые «закрытые времена» выписывали самые редкие и прекрасные сорта роз.

В настоящем клумба-розарий уже не могла похвастаться редкими сортами. Но городские власти исправно высаживали самые обычные дешевые розы и розовые кусты — обильно и пышно, на радость горожанам.

Брюнетка в брюках обогнула розарий, поднялась по ступенькам краеведческого музея и открыла старую скрипучую дверь с латунными ручками. В холле было прохладно, топить в городке еще не начали. Из окошка билетной кассы высунулась старушка, остриженная столь коротко, что казалась совсем лысой, но с жемчужными сережками в ушах.

— Амалия Иннокентьевна, кто-нибудь приходил? — громко спросила ее брюнетка, роясь в сумке в поисках ключей.

— Ни души. С самого утра сижу жду — ни одного посетителя на выставку. Город игнорирует нас, Нина Павловна. У людей напрочь отсутствует жажда познания, тяга к просвещению, — старушка-кассир вечно прикрывала горечь разочарования в человечестве едким стеблом. — Ни одного билета на сегодня не купили. Молодежь гоняет на велосипедах, словно это не город, а велотрек.

Брюнетка Нина Павловна прошла через два музейных зала с высокими потолками. Мельком обозрела экспозицию, которую видела уже сотню раз: фотографии — черно-белые шестидесятых и семидесятых годов и цветные современные. Старые снимки, запечатлевшие историю Экспериментально-рекреационной базы — ЭРЕБа, некогда хранимые под грифом «секретно», а теперь выставленные в музейных витринах. И недавние снимки, где вся эта история продолжалась уже в новых декорациях, с новыми лицами. Сотрудники базы, основоположники, ученые-исследователи. И еще — та, которую знал весь город, потому что она была воистину знаменитой, талантливой и великой, как и ее соратники, учителя и друзья. Королева здешнего ученого роя... Матка экспериментального заповедника.

Нина Павловна скользнула взглядом по ее лицу — она всегда хотела быть похожей на нее. Такой же сильной.

Ну что ж, возможно, ей это удалось, и не только в смысле карьеры: она директор и хранитель здешнего музея. В маленьком городке это многое значит.

Но не это главное.

Главное, что она смогла стать сильной женщиной, как и королева здешнего ученого роя.

И сила эта пригодилась. И еще пригодится.

Нина Павловна открыла боковую дверь, вошла в служебную зону и распахнула дверь кабинета с надписью: «Директор музея».

Здесь тоже было холодно, как только может быть холодно в помещениях в октябре, перед отопительным сезоном. Нина Павловна хотела сразу включить обогреватель.

Но внезапно услышала вой полицейской сирены.

Она подошла к окну.

Окно директорского кабинета выходило на улицу Роз — сразу за розарием была видна проезжая часть, и по ней промчалась, полыхая мигалкой, полицейская машина. А следом еще одна — тоже воя сиреной и мигая синим.

Нина Павловна сразу забыла обо всем — и про обогреватель, и про выставку, которую никто не посещал.

Она схватила сумку и побежала через музейные залы, через холл к выходу.

Ей казалось, сердце... ее сердце вот-вот выскочит из груди. Она пыталась вспомнить...

Остановка...

Автобусная остановка...

Наша, на улице Роз...

Она ведь миновала ее, когда шла в музей и...

Ничего.

Там все как обычно.

И полицейские машины промчались мимо остановки.

Нина Павловна обогнула розарий и вышла на улицу.

Она увидела в конце улицы Роз полицейские машины. Они остановились перед домом — коттеджем из красного кирпича. Из машин выходили полицейские.

Нина Павловна не стала приближаться. Она стояла и смотрела. Видела краем глаза других — горожан, со-

седей, которые тоже не оставили это событие без внимания. Велосипедисты прибавляли газа, стремясь проехать мимо полицейских машин, прохожие замедляли шаги, пенсионеры пялились в окна.

Нина Павловна знала тот дом в конце улицы.

Она вернулась в музей, в свой кабинет. На столе стояла дешевая ваза с астрами. Они начали уже увядать. Нина Павловна медленно подошла к своему столу и начала извлекать астры из вазы, раскладывая их на газете, что взяла с подоконника.

Дом в конце улицы Роз...

Вода в вазе пахла гнилью. Стебли астр осклизли и пачкали газету.

Запах тлена. Запах гниения.

Запах смерти.

Нина Павловна завернула цветы в газетный кулек.

— Я опять ненадолго отлучусь, — сказала она старой кассирше.

На улице она постояла пару минут, стараясь рассмотреть, что творится у дома в конце улицы.

Потом повернулась и медленно, словно гуляя, пошла по ЭРЕБу — свернула с Пятой на Третью Парковую, затем на Первую Парковую, миновала небольшую, недавно построенную часовню и очутилась перед воротами городского кладбища.

У низкой ограды две старухи продавали искусственные цветы. Нина Павловна никогда их не покупала. Только живые.

Но сейчас у нее просто не было времени, чтобы идти сначала в цветочный, да и денег в обрез до зарплаты. Она бы никогда не опустилась до того, чтобы рвать розы с клумбы розария. Этого в ЭРЕБе из настоящих, потомственных его горожан не делал никто, никогда.

Но она хотела принести на кладбище живые цветы, пусть и пожухлые — эти самые осенние астры, тронутые тленом.

Смерть — как дар.

Смерть — смерти как дар...

Здесь, за воротами кладбища, было все самое дорогое.

Частица сердца и души.

Нине Павловне нужно было срочно поговорить.

Кто сказал, что мертвецы — никудышные собеседники?

Глава 4 УЛИЦА РОЗ

В полицейской машине Катя никаких вопросов не задавала — куда едем? что случилось? Алла Мухина сидела впереди, рядом с водителем. На заднем сиденье Катю теснили сотрудники розыска — хмурые, даже не пытающиеся скрыть досаду и разочарование.

Проехали улицу, засаженную липами, площадь, еще одну улицу, тенистую и пустынную. Катя увидела, как мал и тесен ЭРЕБ. Чего уж здесь мчаться на машинах с мигалками, воя сиреной, — можно и пешком идти.

Миновали приземистое двухэтажное здание, вросшее в землю, с темными дубовыми дверями и большой чудесной клумбой, засаженной розовыми кустами.

— Улица Роз, — сказала Мухина хрипло, — Пятая парковая. Это здесь. Шестнадцатое домовладение.

Проехали, воя и сияя синим, до самого конца улицы и остановились перед коттеджем — точно таким, каких было большинство в городе: старой постройки, из красного кирпича, от дождей и непогоды ставшего темным. Имелось лишь одно отличие: не две двери по обе стороны дома, как в других коттеджах на две или четыре семьи, а одна в центре.

Маленький палисадник огорожен низкой кованой оградой — скорее декоративное украшение, чем забор. К ограде прислонен дорогой стильный велосипед, весь сияющий хромом. В палисаднике, заросшем травой и усыпанном палыми листьями, никого. Но откуда-то из-за дома слышны голоса — мужской и женский.

— Полиция приехала!

— Здесь, сюда! Окно разбито.

Мухина вылезла из полицейской машины и открыла незапертую калитку, все устремились за ней.

Кате надоела роль безмолвного очевидца событий.

— Что произошло?

— По всей видимости, кража, — ответила Мухина. — Домовая кража.

— А чей это дом?

— Константина Чеглакова.

Мухина глянула на Катю и, не увидев реакции, которую ждала, пояснила:

— Космонавта Константина Чеглакова.

— Космонавта?

Все раздражение, которое Катя испытала в последние два часа ожиданий и неласкового приема, словно ветром сдуло. Катя вся подобралась.

Космонавта...

Надо же...

— Я думала, все космонавты в Звездном городке живут.

— Как видите, не все. Он покинул отряд космонавтов несколько лет назад. Вернулся сюда. Он здешний уроженец. Этот дом раньше принадлежал академику Вяткину, который все здесь, в городе, начинал в шестидесятых. Константин Чеглаков купил дом у его девяностопятилетней вдовы и ее наследников. Внуки и правнуки академика все кто в Гарварде, кто в Стэнфорде. А космонавт живет теперь здесь.

За домом располагался заросший деревьями сад, где осень давно уже заявила свои права на все — и на невысокие клены, и на жухлую траву, и на яркие гроздья рябины, заполонившей всю заднюю часть сада.

Из-за крон с пятнами алых ягод виднелась крыша другого кирпичного коттеджа. Огромная белая спутниковая тарелка, казалось, съезжала вниз по крутому скату.

Катя оглянулась: и на крыше дома космонавта тоже «спутники», но меньшего размера.

На маленькой площадке, выложенной плиткой, где стояли деревянные скамейки, стол и садовый гриль-мангал, находились двое — парень и толстая старуха.

Старуха в розовой стеганой болоньевой куртке и спортивных штанах, в очках. А парень...

Катя узнала его. Тот самый, что проехал мимо на велосипеде, замедляя скорость, и улыбнулся ей. Там, на улице, он показался совсем молодым. Здесь, вблизи, оказалось, что он гораздо старше — лет уже за тридцать точно. Среднего роста стройный блондин с кудрявыми волосами, крашенными ярко и стильно. На нем были серые джинсы и плотная серая толстовка с капюшоном, под ней — серая майка, на ногах — обожаемые креативщиками кроссовки «Нью Баланс».

— Алла Викторовна, хорошо, что вы сами сюда, — сказал он встревоженно. — В дом влезли. Окно разбито. Это я полицию вызвал. Мне Вера Ивановна по телефону сообщила, что у Константина воров в доме.

— Что, воров все еще там? — спросила Мухина.

— Нет, я заглянул в окно — там дикий кавардак, но в доме все тихо.

— А я побоялась к окну подходить, — замахала руками толстая старуха. — Вошла сюда из нашего сада, у меня ключи — мне Константин Константинович оставил. Я должна была убраться — гляжу, а окно-то вдребезги!

— Вы дом убираете? — спросила Мухина.

— Вера Ивановна два раза в неделю помогает мне по хозяйству, — начал объяснять блондин в толстовке. — У Константина тоже убирает, когда он просит. А сегодня она позвонила мне — сказала, что в дом воры влезли. Я приехал утром на фирму к себе. Потом отправился в третий блок. Не успел сотрудников собрать, как Вера Ивановна мне сообщила — я сразу сюда.

— Потому что я боялась одна тут, — заворчала старуха. — Мало ли... Сами знаете... Разбойник-то, может, все еще там, в чулане прячется.

— Иван, а где Чеглаков сам? — спросила Мухина.

По тому как она произнесла имя блондина-симпатяги, было видно, что они давно и хорошо знакомы.

— Он уехал в Москву, — ответил блондин. — Я ему позвонил. Он возвращается. Уже к Дубне подъезжает. Очень встревожился. Просил, чтобы мы зашли в дом сами, все проверили. Ну, с вами, с полицией. Чтобы не ждали его, а заходили сразу.

— Тогда, Иван, передайте мне ключи, пожалуйста. — Мухина протянула руку.

Не блондин, а старушка суетливо вручила ей ключи с брелоком.

Они подошли к задней двери, которую Катя сначала не заметила за кустами сирени. Дверь — новая — резко контрастировала со старой, иссеченной дождями стеной и большим окном — разбитым, точнее, высаженным с дьявольской воровской аккуратностью.

В левой створке окна стекла не было. На раме и осколках, торчащих снизу, Катя узрела обрывки плотной бурой бумаги.

Маленький дворик сразу наполнился сотрудниками полиции, подошел эксперт.

— Клей, — констатировал он, склоняясь к раме. — Бумагу на стекло наклеили снаружи и ударили по стеклу. Осколков под окном на траве нет. Все осколки внутри. Там и бумага.

Мухина надела, как и все, резиновые перчатки. Кате перчаток не досталось, и она поглубже сунула руки в карманы короткого тренча. Здесь нельзя ни до чего до-трагиваться. Это место преступления — домовой кражи.

Дом космонавта... Ничего себе... — думала Катя про себя с каким-то тайным, совершенно неуместным восторгом и одновременно опаской. — С ума сойти — и космонавтов грабят... Они тоже как простые люди... Да, точно, подобные дела редко попадают на страницы криминальной хроники. Не зря я прокатилась в такую даль... О, кража у космонавта Чеглакова — представляю заголовки! Интересно, а что украли? Вон какой дом себе купил у вдовы академика! Правда, все тут старье. С особняками, что я видела в окрестностях Дубны, — никакого сравнения. Но все равно — так интересно!

Катя не могла подавить в себе этот глупый, какой-то совершенно щенячий восторг и бешеный репортерский азарт, что проснулся в ней, едва они переступили порог жилища космонавта.

Но увиденное внутри быстро ее отрезвило.

В доме царил дикий хаос. Все было разбросано, вы-потрошено, раскидано по полу, по углам.

Комната с разбитым окном, видно, когда-то служила в доме академика гостиной. Но сейчас в этом просторном помещении было очень мало мебели: большой диван, кресло, дешевый стеллаж с полками и низкая стойка с дисками под большим плазменным экраном на стене.

Дорогую плазму вор или воры не взяли, даже не попытались выкорчевать из стены. А вот кресло опроки-

нули, с дивана содрали все подушки, со стеллажей сбросили все книги.

Эксперт занялся осмотром, оперативники начали ему помогать, все опыляют спецпорошком для выявления отпечатков. Мухина прошла дальше, в темный холл без окон с аркой — здесь, у старого зеркала, сохранившегося, видно, от прежних хозяев, стоял пузатый дубовый комод — все его ящики вытащены, все содержимое вывернуто, выброшено на такой же старый тусклый паркет. От паркета пахло мастикой. На полу валялись вскрытые пакеты с комплектами постельного белья, полотенца, мужские рубашки — все, что обычно держат в комодах.

В кухне — такой же хаос. Кухня была новой — единственная, наверное, модная мебель во всем старом доме. Но и тут — все ящики выдвинуты, выпотрошены, двери всех шкафов открыты. На полу — склянки, осколки и жестянки для круп. Холодильник тоже открыт.

— Когда ищут ценности — ювелирку, — пояснила Мухина, — обязательно лезут в холодильник. Сейчас тайники делают из резины в виде овощей — капусты, баклажанов, прячут вместе с продуктами. В такие тайники складывают золото, даже часы наручные дорогие.

— У космонавта много золота? — спросила Катя.

Она все больше возвращалась к реальности.

— Когда деньги ищут, тоже все подряд потрошат, — Мухина осторожно обогнула раздавленную коробку с овсяными хлопьями. — Да, эксперту тут работы невпроворот. Эй, там, как дела, есть отпечатки?

— Полно, здесь же люди жили, — бодро откликнулся эксперт. — Только не ждите, что этот уркаган нам оставил свои подарки. Я уже в трех местах следы талька обнаружил на поверхности ящиков и дверной ручке. А это значит — гость незваный орудовал в перчатках.

— Кто бы сомневался, — отозвалась Мухина. — А следы ног?

— Ярко выраженных нет пока. Но мы возьмем образцы частиц с пола — что за почва, установим позже.

— Все как всегда. — Мухина пошла в глубь дома, Катя за ней.

Лестница наверх.

Они поднялись — первая комната была абсолютно пустой. Прежнюю мебель отсюда давно убрали, новой не купили.

Другая комната, очень большая, являлась спальней, обставлена по-спартански.

Кровать — широкая, с льняным постельным бельем модного серого цвета, который любят мужики-холостяки. Все — простыни, одеяло — сброшено на пол, подушки испорчены.

Двери раздвижного шкафа распахнуты — одежда тоже вся на полу. Толстовки, джинсы, футболки, брюки от черного костюма, пиджак, еще один костюм в упаковке химчистки, белые и голубые сорочки.

— Все полки обшарили. — Мухина кивнула на шкаф. — Искали стенной тайник — сейф. И кровать тоже всю распотрошили.

Они спустились вниз — за кухней была еще одна большая комната.

Катя вошла туда вслед за Мухиной, и вновь странное волнение охватило ее.

Во времена оны это помещение занимал кабинет академика — сохранился старинный письменный стол, лампа бог знает каких времен на мраморной подставке, с зеленым абажуром и новое кожаное кресло — дорогое и даже роскошное. Но встроенные книжные шкафы, где прежде помещалась огромная библиотека академика, претерпели изменения: стеклянные створки были сняты

с петель, а полки ликвидированы. Видно, дорого было выламывать из стен всю эту рухлядь, поэтому обошлись меньшим — просто превратили стенные книжные шкафы в ниши, увешанные... картинами.

Картины окружали Катю со всех сторон.

У окна стоял внушительных размеров станок для холстов. На низком столике — банки с кистями, олифой, красками, акриловые краски в тубиках в больших пеналах, тряпки, ветошь.

— Он что, тоже рисует? — спросила Катя удивленно. — Как космонавт Леонов?

— Надо же чем-то заняться в одиночестве. — Мухина смотрела на ниши-шкафы. — Хобби. А вор и тут покуролесил всласть.

Вор не тронул стол с красками, но письменный вскрыл и выпотрошил, как и комод. Картины тоже почти все были сброшены на пол.

Катя поняла лишь то, что космонавт Чеглаков рисует что-то абстрактное — пятна, черноту. Яркие, почти неоновые пятна голубого цвета. Полосы спектра.

Она боялась наступить на какой-нибудь холст.

Алла Мухина наклонилась, что-то рассматривая.

— А тут вырезали кусок из холста... И здесь тоже. Или это он сам? У абстракционистов ни черта не поймешь. Может, это так и нужно. А может, вор часть живописи украл.

— Здесь явно что-то искали, — сказала Катя, озираясь.

— Ценности. Что же еще? Картины — я же сказала, это его хобби. Вряд ли они кого-то заинтересуют. Сейчас многие малюют — Шнур вон выставляется. И Джуна что-то там рисовала. Ну и Константин тоже, наш земляк. Нет, без него здесь делать нечего. Непонятно даже, что украли, что пропало. Эй, домработница все еще там? Ведите ее сюда, в мастерскую — только осторожно.

Толстая старушка Вера Ивановна пришла в сопровождении оперативника и блондина в толстовке.

— Ой-ой-ой, что же это... это же разбой, настоящий разбой... все, все разодрали! — она крутила головой и по минутно ахала. — Вот бы я вошла, а он — негодяй, воюга — он бы меня здесь убил!

— Может быть, не убил, а убежал, — старался ее успокоить блондин по имени Иван. — Но вообще-то да, видок дикий.

— Что-нибудь пропало? — спросила Мухина.

— Не знаю и сказать не могу ничего. Такой разор. — Домработница, казалось, была близка к обмороку. — Тут ведь прибираться надо неделю, не меньше!

— А на ваш взгляд? — спросила Мухина у блондина.

— Затрудняюсь сказать. Черт... Где его техника, гаджеты, ноутбук, все остальное?

— Вы, конечно, первым делом про гаджеты, Иван.

— Впрочем, он все это мог с собой взять и, конечно, взял — планшет, мобильный, ноутбук. Но у него много всего этого.

— Как там насчет гаджетов? — крикнула Мухина оперативникам. — Не попадались?

— Попадались, — откликнулись те. — Ноутбук на кухне, на полу. И еще один — в спальне. Вор их не взял. Плазму тоже.

— А чего тогда лезть? — хмыкнул блондин по имени Иван. — Если не за этим? Деньги он свои в банке держит.

Где-то в доме, в глубине, послышались громкие голоса. Катя выглянула в окно мастерской, выходящее на улицу Роз. Рядом с домом и полицейскими машинами теперь стоял черный внедорожник «Форд Эксплорер».

Катя поняла: хозяин наконец вернулся в родные пенаты.

В дом на улице Роз — ей страшно понравилось это название и одновременно показалось каким-то пошло-романтичным — в дом на улице Роз, разоренный кражей, больше похожей на набег дикой орды.

На пороге бывшего академического кабинета, а ныне мастерской художника-самоучки появился мужчина в сопровождении оперативников. Шатен с короткой стрижкой и серыми глазами, спортивный, плотно сбитый, лет сорока восьми, но выглядящий гораздо моложе своего настоящего возраста. На правой скуле у него имелся небольшой шрам, что, однако, совершенно его не портило. На нем была серая толстовка — почти идентичная той, что нацепил на себя красавчик-блондин по имени Иван. Поверх толстовки — кожаная куртка-бомбер. Вещи хорошего качества, но очень простые.

Катя вперилась в незнакомца.

Константин Чеглаков — хозяин разоренного дома на улице Роз — даже на пороге своего пятидесятилетия привлекал взоры.

— Привет, — сказал он. — Ну и дела.

— Вор у вас похозяйничал, Константин Константинович, — сообщила Алла Мухина.

— Или воры, — поправил начальницу один из оперативников. — Нам ваша домоправительница позвонила, точнее, не она, а сосед ваш.

— Да, Ваня мне сказал по телефону. — Чеглаков оглядывался по сторонам. — Как Мамай прошел.

— Вы как в себя придете, посмотрите, Константин Константинович, что пропало. Что воры украли.

— Да нет, ничего... Просто я не ожидал. — Чеглаков глянул на Мухину, на Катю.

Он повернулся и медленно отправился обозревать ущерб. Мухина и Катя двинулись за ним.

— Вы в Москву ездили? — спросила Мухина.

— Да, надо было по делам.
— Когда уехали?
— Позавчера, сразу как позавтракал.
— И ночевали в Москве?
— Угу. — Константин Чеглаков обошел белье и вещи, выброшенные из комода в холле.

Не стал уточнять, где ночевал.

— Когда уезжали, все было нормально? Вы дверь заперли?

— Ну конечно.

— Замки дверные не взломаны, — откликнулся откуда-то из недр дома эксперт. — А вот окно выбито с умом. Идите сами взгляните.

Они направились еще в одну комнату — с окном, выходящим в сад. Здесь тоже было пусто, но имелась мебель из ротанга — диван и пара кресел. Еще подставка и старый, снова вошедший в моду проигрыватель для виниловых пластинок. Пластинки разбросаны по полу.

— Фоторамки нет на месте, — сказал Чеглаков, глянув на столик, плетенный из ротанга.

— Какой фоторамки? — оживился эксперт.

— Обычная электронная. Где фото меняются.

— Похитили.

— Да это дешевка. — Чеглаков пересек комнату, направился в гостиную к эксперту, колдующему на карточках возле осколков стекла, залепленных плотной бурой бумагой, которой пользовался вор.

— Никакого стеклореза, — объявил эксперт. — Заклеили и потом шарахнули чем-то тяжелым. И пролезли через окно. На подоконнике — следы почвы. Явно из вашего сада. Больше пока никаких улик. И уходили этим же путем.

— Значит, вы уехали позавчера утром, а когда точно? — спросила Мухина.

— В одиннадцать. Я хотел раньше, но Нина Павловна зашла по пути на работу. Мы с ней поговорили малость, и я уехал.

— Ключи забрали с собой?

— Ну конечно. У Веры Ивановны есть дубликат, я ей отдал — она ведь не каждый день из Дубны приезжает.

— Она и обнаружила, что окно разбито, пришла к вам убираться после дома вашего соседа. Значит, дом стоял пустой более суток. Ночью, наверное, к вам влезли, Константин Константинович. Днем бы вряд ли осмелились.

Чеглаков пожал плечами и проследовал дальше.

— Нина Павловна — это из музея? — спросила Мухина нейтральным тоном.

— Угу. Насчет выставки. Но я торопился, уезжал.

— А что за снимки были в украденной фоторамке? — неожиданно для себя спросила Катя.

Ей уж совсем не следовало соваться во все это. Чужой город, чужой ОВД, неласковый прием, саркастичная дама... нет, тетка-подполковник. В таких условиях опальным криминальным обозревателям Пресс-центра Главка не стоит излишне любопытствовать, уточняя детали.

Но сам факт того, что она *видит живьем настоящего космонавта и даже разговаривает с ним*, оказался сильнее всех внутренних предостережений.

— Так, ерунда, — ответил Чеглаков.

— Ваши снимки? Личные?

— Виды природы. — Он посмотрел на Катю.

Они миновали еще одну комнату с кондиционером. Абсолютно пустое помещение со шведской стенкой и циновками-татами.

Прошли на кухню.

— Бардак какой, — Чеглаков наступил в просыпанные овсяные хлопья. — Кофеварки нет.